

ПАВЛОВ, Гавриил - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

За участие в беспорядках бывший матрос Балтийского флота Г.Павлов был арестован и отправлен в Кронштадтскую арестантскую роту. Оттуда его сослали "в крепостную работу" в Отдельный Оренбургский корпус. В августе 1845 г. он поступил в 5-й линейный батальон, где в 1847-1848 являлся сослуживцем Т. Шевченко.

Имена Шевченко и Павлова значатся рядом в датированном январем 1848 "Списке нижним чинам Оренбургского линейного № 5-го батальона 3-й роты, поступившим в военную службу по высочайшему повелению и по конфирмациям главнокомандующего действующей армией". (ИЛ, ф.1, д.513).

ПАВЛОВ, Иван Васильевич (1832-1904) - врач при Оренбургском и Самарском генерал-губернаторе.

И.В.Павлов родился в дворянской семье Мценского уезда Орловской губернии. Учился в Московском университете, и во время учения был близок к кружку крупного русского ученого и общественного деятеля Т.Н.Грановского. "Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него", - писал о Грановском Н.Г.Чернышевский. По окончании университетского курса со званием уездного врача Павлов в 1851 был определен в Оренбург, лекарем к генерал-губернатору. Здесь он находился до 1854, когда, по собственной просьбе, получил перевод на родину в Орловскую губернию. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13139).

Выехал Павлов отсюда с женой Надеждой Николаевной и двумя детьми. (ф.173, оп.11, д.190).

Впоследствии, продолжая служебную карьеру, он вел также активную литературную, журналистскую деятельность (псевдоним Л.Оптухин). Павлов встречался с А.И.Герценом, был знаком и переписывался с Н.А.Некрасовым, М.Е.Салтыковым-Щедриным, А.Ф.Писемским, А.Н.Плещеевым и другими деятелями литературы, поддерживал связи с прогрессивными кругами.

И.В.Павлов упоминается в воспоминаниях К.И.Герна, как один из тех, кто хлопотал перед В.А.Перовским об облегчении участи Шевченко.

ПАВЛОВ, Николай Васильевич - казначей и экзекутор Пограничного отделения канцелярии Оренбургского и Самарского губернатора, губернский секретарь.

В этой должности состоял с ноября 1851 г. Что касается предыдущих лет, то они очень схожи с биографией брата, И.В.Павлова, с той лишь разницей, что учился Николай Васильевич на юридическом факультете. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12340, 13401).

Как и его брат, Н.В.Павлов прилагал усилия к тому, чтобы доля Шевченко была облегчена, действуя в этом направлении через генерал-губернатора В.А.Перовского и его окружение.

ПАЛЬМОВ, Гавриил Яковлевич - ключарь Астраханского кафедрального Успенского собора.

Как духовное лицо, заведующее ризницей и церковную утварью, "отец Гавриил" познакомил Т. Шевченко с историей и достопримечательностями этого храма, а также других церквей в Астрахани. Узнанное от Пальмова записано в Дневнике 11 августа. Сопоставлены сведения, почерпнутые поэтом из бесед с ключарем (V, 101-103), с материалами об астраханских соборах, содержащимися

в книгах (М.Рыбушкин. "Записки об Астрахани". М., 1841; "Астраханский кафедральный Успенский собор", Астрахань, 1880; "Астраханский Троицкий собор", место и год издания те же) свидетельствует об осведомленности и добросовестности "гида", сообщившего своему спутнику все, что его интересовало.

ПАНОВ, Алексей Панфилович - буфетчик парохода "Князь Пожарский".

Крепостной крестьянин, он был "отпущенником г-на Крюкова" и служил в пароходном обществе "Меркурий".

Т. Шевченко восхищался его талантом скрипача: "Благодарю тебя, крепостной Паганини... Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души..." (V, 109).

В Нижнем Новгороде поэт вспоминал своего "возлюбленного виртуоза", искал его и, не найдя 30 сентября 1857 (V, 144), отыскал, возможно, в дальнейшем.

Рукою Павлова в Дневник вписаны несколько строк и ноты мелодии - одной из тех, которые он играл. (V, 103).

ПАНЧЕНКО, Елисей Харлампиевич - медицинский инспектор Астраханского порта.

Родился в 1813 г. По окончании Петербургской медико-хирургической академии (1840) стал служить по морскому ведомству, на Каспийском море и в Астрахани.

В Астрахани же, предположительно, познакомился с ним Т. Шевченко. Но сблизились они во время рейса парохода "Князь Пожарский", о чем свидетельствуют, прежде всего, записи в Дневнике. (V, 118, 129, 130). На пароходе был нарисован и портрет Шевченко, который, на наш взгляд, следует считать неотысканным. Фамилия указанного лица под одним из опубликованных портретов (X, л.12) дана без реальных оснований.

Надо сказать, что Панченко в Дневнике поименован Елисеем Александровичем. Такое отчество дано и в "Адрес-календаре". Однако в формулярных списках он - Харлампиевич; это следует учитывать при разыскании дополнительных архивных материалов.

ПАРОБЧИ, Павел Францискович - рядовой 3-го Оренбургского линейного батальона.

Причины, повлекшие определение дворянина Паробчи на солдатскую службу в Отдельный Оренбургский корпус, пока не установлены. Известно, что в 1849-м и последующих годах он находился в Оренбурге; у него и его жены Магдалены Келиановны (урожденной Дзюг лова) было несколько детей.

Изучение метрических записей в книге римско-католической церкви позволяет сделать вывод о тесном общении Паробчи со многими людьми, близкими к Т. Шевченко. Среди восприемников его детей в 1849-50 были Е.Середницкий, Л.Липский, З. Сераковский, Р.К опровский и другие. Исходя из этого, Павел Паробчи также может быть причислен к кругу оренбургских знакомых поэта.

Паробчи умер в Оренбурге в 1860 г. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.189).

ПАРФЕНОВ, Калистрат - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

Старший по возрасту в команде матросов 45-го флотского экипажа, командированных на Арал (на Волге и Каспии служил в 1831, на первую статью был аттестован еще в 1839), к новому месту службы следовал под непосредственным начальством унтер-офицера первой роты Абизарова.

С Шевченко на "Константине" провел первую навигацию (1848). В следующем году ходил на шхуне "Николай".

ПЕРВУХИН, Михаил Борисович - попечитель Оренбургской дистанции прилинейных киргизов (казахов).

Родился в 1813 г., в семье обер-офицера. Закончил отделение словесных наук Казанского университета, после чего там же был учителем арабского языка в гимназии. Далее служил в палате уголовного суда, в Пограничной комиссии. В 1849 получил назначение на указанную свою должность. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13524/б).

Первухин входил в круг общения Б. Залеского, на квартире которого с ним встречался Т. Шевченко. В связи с этим его имя упоминается в следственном деле 1850.

ПЕРЕКРЕСТОВ, Александр Васильевич - побочный сын генерал-губернатора В.А.Перовского.

"Между многими неинтересными степными новостями он (Круликевич - Л. Б.) сообщил отвратительно интересную новость. Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был разжалован в солдаты; но мелкая душонка <не вынесла> и этого всемилостивейшего наказания, он вскоре умер или отравил себя. Туда и дорога..." (Из записки Т. Шевченко в Дневнике от 7 января 1858 - V, 184-185).

Перекрестов служил в Орской крепости с января 1847, и Шевченко мог знать его еще на первом году своей службы. (ИЛ, ф.1, д.437).

В метрической книге Оренбургской Полковой Петропавловской церкви за 1851 год есть запись о рождении у рядового пятого батальона Перекрестова и его жены сына Петра. Восприемниками названы В.А.Перовский (за отсутствием его в церкви находился адъютант - поручик П.А.Толмачев, сын командира 23-й дивизии) и жена обер-квартирмейстера корпуса Е.П.Бларамберг. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.208). Необычен тут не только особый состав восприемников, но и место совершения обряда: он происходил не в Орской крепости, где размещался батальон, а в Оренбурге. Такое для рядового, даже для "рядового из дворян", могло стать возможным лишь с высокого покровительства - в данном случае губернатора, доведившегося Перекрестову отцом.

Рядовым Перекрестов пребывал недолго. Год спустя он стал прапорщиком 9-го, а в 1854 - 4-го линейного батальона. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044).

Большее представление о нем дает еще одно архивное дело: "О жестоких побоях, нанесенных прапорщиком Перекрестовым рядовому Гилеву", относящееся к 1855 г. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.321).

Становится известным, что был Перекрестов в прошлом штабс-капитаном Отдельного Кавказского корпуса, но оказался разжалованным в рядовые "за разные злоупотребления и жестокое обращение с подчиненными". Прослужив рядовым короткий срок, он снова получил офицерское звание, пошел в гору и в 1855 являлся не только казначеем 11-го линейного батальона, а и начальником

Самарской инвалидной команды. Здесь, однако, вновь проявил свой деспотичный нрав. Как значится в названном деле, 8 сентября на сборном дворе он, "неизвестно по какой причине", избил рядового инвалидной команды Федора Гилева, причем "до того избил собственноручно, что тот, лишаась

чувств, упал во фронте и потом, в то же время, отвезен был на лечение в городскую больницу", где находился долго.

Имея в виду самого В.А.Перовского, Шевченко в цитированной записи отмечал: "Выходит, яблоко не далеко от яблони упало". То же архивное дело содержит подтверждение и этих шевченковских слов.

Штабс-капитан корпуса жандармов в Самарской губернии полковник Андреев счел необходимым поставить перед командиром батальона вопрос об отстранении Перекрестова "от командования частью и всякой интересной должности", о чем не преминул донести ко командиру Отдельного Оренбургского корпуса Перовскому. В ответ Андреев получил строгое губернаторское внушение насчет того, что ему "не следовало входить от себя в сношение с командиром батальона об отстранении прапорщика Перекрестова от командования, а до лжно было ограничиться донесением об означенном случае главному начальнику края..." Меры, принятые Перовским по этому случаю, выразились в выдаче им жене избитого рядового Варваре Гилевой двадцати пяти рублей "из экстраординарных сумм". Как тут не повторить слова Шевченко о Перовском, записанные им в свой Дневник еще в Новопетровском укреплении: "Холодное, развращенное сердце"? (V, 23).

О смерти Перекрестова в официальных приказах по Отдельному Оренбургскому корпусу ни в 1857-м, ни в 1858-м годах упоминаний нет. Это могло быть просто слухом. (Слухом того же порядка, что и услышанная Шевченко весть о позорной отставке подпоручика Обр ядина - виновника мук рядового Скобелева, в то время, как, на самом деле, Обрядин был всего-навсего переведен в казачье войско). Ничего не пишет о смерти Перекрестова и знавший его И.В.Чернов; в своих "Записках" он отмечает, что сын унаследовал "в спыльчивый характер" отца, подтверждая это тем же фактом: "в пылу раздражения убил своего слугу". (стр.105).

Перекрестов - один из представителей развращенной уродливым воспитанием дворянской молодежи, образы которой нашли воплощение в повестях "Близнецы", "Несчастный" и других произведениях Т. Шевченко.

ПЕРЕПЕЛЮКОВ, Андрей Михайлович - казак Николаевской станицы Уральского казачьего войска, состоявший на службе при Новопетровском укреплении. Сын Михаила Ивановича и Агафьи Ивановны Перепелюковых - первопоселен цев станицы. (ГАОО,ф.173, оп.11, д.234-а).

А.М.Перепелюков упоминается К.М.Оберучевым как старожил, тепло вспоминавший Т. Шевченко. Тогда, в 1899, это был уже "седой, как лунь, столетний старец". ("Киевская старина", 1900, февраль, стр.157-162).

ПЕРОВСКИЙ, Василий Алексеевич (1795-1857) - "Оренбургский и Самарский генерал-губернатор, командир Отдельного Оренбургского корпуса и заведующий Оренбургским Пограничным краем, член Государственного Совета, член Адмиралтействсовета, генерал-адъютант, генерал от кавалерии".

("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.287).

Внебрачный сын графа А.К.Разумовского и М.М.Соболевской, Перовский окончил курс в Московском университетском пансионе, а затем Школу колонновожатых, из которой в 1811 был выпущен прапорщиком. Участвуя в Отечественной войне 1812, Перовский получил ранение под Бородино; при отступлении русских войск из Москвы французы его взяли в плен, и там он оставался до взятия Парижа. По возвращении Перовский сделал быструю карьеру. В 1818 стал капитаном, в 1819 - полковником, в 1825 - флигель-адъютантом.</P>

Перовский близко стоял к литературным кругам; среди его знакомых были Пушкин, Карамзин, Вяземский, Жуковский, некоторые из будущих декабристов. Во время следствия по делу декабристов Перовского называли "не долго принадлежавшим к Военному обществу", но злонамеренных действий в его поведении установлено не было, к тому же сам он объявил обо всем в записке на имя царя и тот повелел "оставить без внимания".

В 1828 Перовский (оправившийся от нового ранения - в турецкой кампании) - генерал-майор свиты, в 1829 - директор канцелярии Морского штаба и генерал-адъютант. В 1833-1842 он являлся Оренбургским военным губернатором. В последующие годы, до вторичного назначения в тот же край, уже в качестве Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, был членом Государственного Совета и Адмиралтействосовета, выполнял важнейшие поручения - в частности, возглавлял следствие по делу петрашевцев.

Сменив на посту губернатора В.А.Обручева, Перовский прибыл в Оренбург в мае 1851 и нес обязанности полномочного начальника края до апреля 1857, когда его сменил А.А.Катенин. ("Военная энциклопедия", т.18, СПб, 1915, стр.372-373; "Восстание декабристов", т.VIII, Л., 1925, стр.149, 374; ГАОО, ф.6, оп.6, д.12845).

Отношение Т. Шевченко к Перовскому претерпело в течение нескольких лет серьезную эволюцию. Впервые мы встречаем это имя в письме поэта из Орской крепости (1847): он просит, через В.И.Даля, умолить находившегося в Петербурге и весьма влиятельного там Перовского выволить его хотя бы из казарм. (VI, 45). Перовский, еще не будучи губернатором, хлопотал в 1850 об облегчении участи Шевченко. Естественно, что с приездом Перовского в Оренбург поэт связывал большие надежды, хотя в дошедших до нас письмах упоминал о нем лишь вскользь. (VI, 84). Но вот в 1854-м - первое серьезное разочарование: "Добрый Л.Ф. (Еккельн - Л. Б.) просил В.А., чтобы позволил мне написать образ для здешней церкви, и мне отказано!" (VI, 102). Новые надежды - и еще одно разочарование: отказ произвести в чин унтер-офицера, дававший право на отставку. (VI, 111, 115, 116, 124, 128). "Чем и как я могу уничтожить предубеждения В.А.?" - горестно спрашивал Шевченко себя и друзей в ноябре 1856. (VI, 141).

В письмах он был осмотрителен, осторожен: помнил о возможности прочтения их непрошенными цензорами. Иное дело - Дневник. Записи свидетельствуют о вполне сложившемся мнении Т. Шевченко о губернаторе Перовском.

"Бездушному сатрапу и наперснику царя пригрелось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта нелепая басня - не знаю. Знаю только, что она мне недешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключение приговора сказано: "строжайше запретить писать и рисовать". Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать - и сам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам пояснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное, развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки, или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славильщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!" (V, 23-24).

Перовский - "весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль". (V, 26-27). "Оренбургской сатрапией" называет Шевченко край собственной неволи. Сатрап для него это Перовский, сатрапия - губерния, которой тот правит. "Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его

как яркий эпизод к "Сатрапу и Дервишу"?" (V, 78). Узнав, уже в Нижнем Новгороде, новое о побочном сыне незадолго перед тем умершего Перовского - Перекрестове, Шевченко вновь именует

Перовского "гнилым сатрапом", "растленным сатрапом" и восклицает: "О Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка". (V, 185).

Здесь нелишне сделать отступление и провести литературную аналогию. Почти в одно и то же время задумали писать о Перовском Тарас Шевченко и Лев Толстой.

"История Перовского" - записал Толстой в своем Дневнике 29 октября 1857, впервые услышав о пребывании его, русского офицера, в плену у французов. (т.47, стр.161). Шевченко к тому времени уже узнал Перовского-губернатора, - и узнал настолько, что решил немедленно приступить к произведению, основанному "на происшествии в Оренбургской сатрапии". Таким "происшествием" могла, на наш взгляд, явиться и история с тяжким увечьем, которое нанес в 1855 ни в чем не повинному солдату тот самый побочный его сын Перекрестов, который появился от связи Перовского с женой некоего барона, и к которому Перовский, по всему судя, весьма благоволил (в том же "происшествии" он принял все меры, чтобы прикрыть преступление сына и наказать тех, кто пытался сделать его достоянием "гласности"). Нужно сказать, что впоследствии, продолжая думать над тем же образом, Толстой также пришел к замыслу произведения, "местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время - Перовского". Он размышлял: "... такая фигура - одна наполняющая картину - биография его - была бы груба, но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами... выражает вполне то время". (т.62, стр.371, 383). К сожалению, замыслы и Шевченко, и Толстого остались неосуществленными.

Нам думается, что на гневных шевченковских характеристиках Перовского сказались не только личная боль и обида, но и знание поэтом его, Перовского, отступничества в 1825-м, его роли в подавлении движения петрашевцев, его, наконец, действий в Оренбургском крае, в том числе в отношении политических ссыльных.

Следует отметить, что характеристики отношений Шевченко и Перовского касались в своих воспоминаниях многие современники (Л.М.Жемчужников, К.И.Герн, Б.Ф.Залеский, А. Е. Ускова, И.С.Тургенев). Отдельные мемуаристы, а еще более биографы (Е.Гаршин), серьезно погрелись против правды, договорившись чуть ли не до того, что Перовский, якобы, ударил Шевченко по лицу. Нет, они (по крайней мере, в Оренбургском крае) не встречались никогда,

о пощечине не могло быть и речи, но все поведение Перовского в отношении поэта, весь характер его деятельности глубоко возмущали Шевченко, вызывая к жизни самые злые эпитеты-оценки.

"Объявляю о сем для сведения..."

Апреля 22-го дня, 1857 года, № 127

Шесть лет тому, с расстроенным уже на службе здоровьем, принял я вторично управление Оренбургским краем и командование Отдельным Оренбургским корпусом. Единственное сердечное желание мое было посвятить себя на пользу и устройство страны, давно мною любимой, и умереть на поприще, указанном мне волею и доверием Царя; но тяжкая, изнурительная болезнь истощила меня, и я с горестию вынужденным нашелся просить Государя Императора о сложении с меня должностей ей, требующих деятельности, на которую недостает моих сил. Всемилостивейше снисходя ко всеподданнейшей моей просьбе, Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить меня рескриптом, преисполнившим душу мою невыразимую благодарностию. С благоговением передаю здесь слова этого священного для меня свидетельства Монаршаго благоволения, далеко превышающего слабые мои заслуги:

"Граф Василий Алексеевич! Выраженное вами убеждение, что расстроенное состояние здоровья не позволяет вам, с необходимою деятельностью, продолжать управление Оренбургским краем и начальствовать над войсками, в нем расположенными, побудило Меня, с душевным соболезнованием, согласиться на просьбу вашу об увольнении вас от должностей

Оренбургского и Самарского генерал-губернатора и командира Отдельного Оренбургского корпуса.

Поставляю Себе при этом в особенное удовольствие изъявить вам совершенную Мою признательность за долголетние, всегда достойно оцениваемые блаженные памяти Родителем Моим, неусыпные труды ваши на пользу вверенных вам края и войск, положившие твердые основы их благоустройству, и за полную откровенность, с которою вы познакомили преемника вашего с истинным положением Оренбургского края и с видами на дальнейшее развитие его благосостояния.

Желая, чтобы отдохновение от трудов послужило к прочному восстановлению здоровья вашего, дорого ценимого Мною, по уважению к просвещенной опытности и пламенному усердию вашему к нужным пользам Престола и Отечества, пребываю навсегда неизменно благосклонный и искренно доброжелательный к вам,

На подлинном собственною Его Императорского

Величества рукою написано: "вас душевно любящий и благодарный Александр."

**Санкт-Петербург
7 апреля 1857 года**

Вместе с тем Господин Военный Министр сообщил мне Высочайшую Его Императорского Величества волю, чтобы я продолжал управление на прежнем основании до прибытия сюда назначенного Государем Императором на мое место генерал-адъютанта Катенина.

Объявляю о сем для сведения и надлежащего исполнения.

Я не в праве говорить по настоящему случаю о достоинствах моего преемника, избранного отеческою заботливостью возлюбленного нашего Царя; но должен сказать, что назначение генерал-адъютанта Катенина радует и утешает меня, душевно сроднившегося я с Оренбургским краем.

Прощаясь с вами, любезные сослуживцы, прошу вас, если успел заслужить вашу привязанность и доброе расположение, выразить мне эти чувства, содействуя новому вашему начальнику с такою же ревностью к Царской службе, какие встречал я в вас постоянно во все продолжение двукратного пятнадцатилетнего моего управления.

Подписал Генерал-адъютант граф Перовский".

ПЕРОВСКИЙ, Лев Алексеевич (1792-1856) - министр внутренних дел, старший брат В.А.Перовского.

Окончил Московский университет, служил колонновожатым в царской свите, во время Отечественной войны против Наполеона был ранен. Перейдя на гражданскую службу, с 1841 г. являлся министром внутренних дел, а с 1852 - министром уделов.

Л.А.Перовский привлекался друзьями Т. Шевченко к оказанию помощи в облегчении его участи, но эти попытки успеха не имели.

В 1849, будучи в Аральской экспедиции, Шевченко непосредственно участвовал в выполнении "археологического" поручения министра внутренних дел.

Из письма Л.А.Перовского В.А.Обручеву

"... Получив сведения об открытии на Аральском море неизвестных доселе островов, из коих один в особенности отличается величиною, я обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою приказать исследовать при первой возможности острова эти в отношении археологическом, полагая, что это могло бы повести к довольно важным открытиям. Бактрианское царство, столь знаменитое по влиянию на него греческого образования, вероятно заключало в пределах своих и Аральское море, коего острова не могли остаться чуждыми этого предприимчивого, промышленного народа..." (1849; ГАОО, ф.6, оп.10, д.6136, л.1-2).

ПЕСЛЯК, Алоизий - польский ссыльный.

В период оренбургской неволи Т. Шевченко Песляк являлся старейшим представителем польских ссыльных в губернии. Он был осужден еще в начале 20-х годов за учреждение тайного общества "Черных братьев", объединявшего свободомыслящую молодежь.

Песляк оставался под строгим надзором и в 50-е годы. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.191, 215). Его фигура представляет интерес для характеристики всего разнообразия политического окружения Шевченко того периода.

Надо добавить, что в Оренбургскую губернию были отправлены и другие организаторы того же тайного общества. Среди них - Виктор Карлович Ивашкевич, который впоследствии, в 30-х годах, принял участие в "злонамеренном заговоре поляков" в Оренбурге. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.94). В пятидесятые годы он еще оставался в губернии.

ПЕТР (фамилия не установлена) - академический служитель при К.М.Бэре. Вместе с ученым участвовал в ряде его экспедиций, в том числе Каспийской.

Т. Шевченко познакомился с ним в 1853, во время первого пребывания экспедиции Бэра в Новопетровском укреплении. Служитель академика (конечно, с согласия его самого) стал непосредственным исполнителем поручений Шевченко, который, находясь на Мангышлаке, увлекся искусством скульптуры и в связи с этим нуждался в помощи петербургских друзей.

С ним, Петром, Шевченко передал для С.С.Гулака-Артемовского "небольшой ящик" с "делом рук" своих - скульптурной группой "Трио". "Ежели в декабре или в январе ты не получишь своего добра, то, як будеш на Васильевском острове, зайди в Академию наук... и спроси на квартире у академика Бэра камердинера его Петра, а у Петра спроси ящик на твое имя". Через Петра же, который в следующем году вновь придет в Новопетровское укрепление, Шевченко просил переслать ему какой-нибудь "маленький барел ьефик": "хотелось бы хоть посмотреть на что-нибудь хорошее". (VI, 87-88).

ПЕТРЕНКО, Иван - марсовой на шхуне "Константин", участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

"Марс... дощатая или решетчатая площадка у топа (вершины) мачты, на первом колене рангоута, при соединении мачты со стенгою... Марсовой, к марсу относящийся; матрос, которого место на марсе (шканечные, ютовые и баковые - на палубе)" - Даль. На парусном судне марсовой являлся матросом самой высокой квалификации.

Прослужив в 45-м флотском экипаже с 1840 года, Петренко состоявший в первой роте, удостоился этого звания непосредственно перед назначением его в состав командированных для участия в описной экспедиции А. И. Бутакова.

На шхуне "Константин", Кос-Арале и в других местах Шевченко и Петренко общались в течение всего срока деятельности экспедиции.

ПЕТРОВ, Иван Григорьевич - писарь штаба 23-й пехотной дивизии. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.195, л.25).

Названный Петров запомнился Шевченко, вероятно, еще по первым дням пребывания в Оренбурге, в связи с тягостной процедурой оформления на долгую и страшную солдатскую службу. Десять лет спустя, 29 июня 1857 г., в томительном ожидании официального уведомления о свободе, поэт записывал: "... А свобода моя где-нибудь с дельцом-писарем в кабаке гуляет. И это верно, верно потому, что ближайшие мои мучители смотрами, учениями, картами и пьянством прохлаждаются, а письменные дела ведает какой-нибудь писарь Петров, разжалованный в солдаты за мошенничество. Так принято искони..." (V, 37). Биография подлинного Петрова неизвестна, однако связь этих имен представляется реальной.

ПЕТРОВ, Иван Фадеевич - ассессор комиссии военного суда

Уральского казачьего войска. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.12509; "Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.277).

В казачьем войске Петров служил с 1837 г. Первый офицерский чин он получил в 1843-м. С 1846 - сотник. Учился в Уральском войсковом училище, которое успешно окончил. По всем статьям аттестовался похвально. (РГВИА, ф.405, оп.6, д.7441, л.27 об.-28).

В майском письме 1848 Ф. Лазаревский писал Т. Шевченко: "На Раиме, где, конечно, я не предполагаю для вас лишних удовольствий, я компаную для вас товариство... податель сего возник Иван Фадеевич Петров; познакомьтесь с ним - хороший человека". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75).

Автограф письма неизвестен, печатается оно по первой публикации. ("Листування", 1929, стр.261). Там же, по всему судя, допущена ошибка в написании слова, предшествующего имени-отчеству Петрова, и должно быть не "возник" (возчик), а "возный" (от - возиться, устраивать дела). Украинец Лазаревский, пересыпавший свои письма словами родной речи, применил его, как синоним судейского, юриста, и Шевченко это было вполне понятно.

Других сведений о знакомстве Шевченко и Петрова в нашем распоряжении нет. В одном из своих писем к А. И. Макшееву (от 16 декабря 1848) "Ивана Фадеевича" упоминает А. И. Бутаков, характеризуя как "политичного и тонко образованного человека". (ИЛ, ф. 1, д.284). Это свидетельство дополняет наши представления о лице, упоминаемом в шевченковской переписке.

ПЕТРОВ, Иустин Никитич - командир кусовой лодки, лейтенант.

Петров был старым моряком. Еще в 1815 г. поступив учеником в Николаевское флотское училище, много лет ходил по Черному морю, а с 1838 служил на Каспийском. В 1851-58 командовал кусовой лодкой № 1. ("Общий морской список", т.ХI, стр.182-183). Эта лодка занималась перевозкой живой рыбы, прежде всего воблы, а также ловкой белуг "на кус" - преимущественно для отправки ко двору. "Для этого вся середина ея (кусовой лодки - Л.Б.) занята

чаном, садком, со сквозными прорезами, и лодка держится на воде только кормою и носом". (В.И.Даль. "Толковый словарь живого великорусского языка", т.2, стр.226). Лодка перевозила также новопетровских рыбаков, торговавших рыбой в Астрахани.

На этой лодке - кусовой № 1, курсировавшей между Астраханью и Новопетровским укреплением, - совершил Т. Шевченко, предположительно, последнее свое путешествие по Каспийскому морю. "В 5-ть часов вечера приплыл я на самой утлой рыбацкой ладье в город Астрахань", - записал он в Дневнике 5 августа 1857, тут же уточнив: "после трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги". (V, 95). Первые представления об Астрахани (V, 95-

96) Шевченко получил с борта этой кусовой лодки. 9 августа он ходил к пристани "проведать... новопетровских аргонатов", готовившихся в обратный рейс. "Желаю вам счастливого плавания, бесстрашные плователи, - записал далее. - Поклонитесь от меня прибрежным скалам, на которых я провел столько бессонных ночей". (V, 100).

Петров - командир "бесстрашных плователей" - продолжал свою службу на флоте еще два года. В 1860 он был уволен с чином капитан-лейтенанта.

ПЕТРОВ, Константин Петрович - унтер-офицер 1-го Оренбургского линейного батальона; занимался письмоводством при заведующем двумя ротами этого батальона, расположенными в Новопетровском укреплении.

(ГАОО, ф.1 73, оп.11, д.234-а).

"По протекции писаря Петрова" Шевченко был назначен в "почетный караул" в связи с пущенными кем-то слухами о предстоящем приезде "августейшего гостя". Визит не состоялся, тем не менее ему по сему случаю еще раз довелось вкусить все тяготы солдатской муштры. (V, 52-53).

ПЕТРОВ, Степан - заштатный дьячок Спасопреображенской церкви в Орской крепости.

Еще в 1793 г. он был определен пономарем в крепость Орскую, в 1794 посвящен в стихари. В 1805 получил перевод в форштадтскую церковь Оренбурга причетником, но в 1806 возвратился и до 1840 (когда был уволен в отставку по старости) служил здесь в ш тате. (ГАОО, ф.173, оп.1, д.264).

Т. Шевченко не мог не знать старейшего жителя и церковнослужителя крепости, продолжавшего участвовать в службах несмотря на свой восьмидесятилетний возраст.

ПЕТРОВА, Анна Алексеевна - жена унтер-офицера К.П.Петрова.

(ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

Петрова упоминается Т. Шевченко как невольная участница комедии, разыгравшейся в связи с неудачной женитьбой подпоручика А.В.Чирца. Чирц отдал "унтер-офицерше Петровой сшить для своей невесты ситцевое платье и коленкорovou кофту"; когда же между з ятем и тестем "вышло контро", жених отобрал у портнихи недошитую кофту и заложил ее "за две чары водки". (V, 18-19).

Если бы Шевченко написал на этом материале тот "премиленький и назидательный... водевильчик", о котором говорится в цитированной записи Дневника от 16 июня 1857, была бы в нем роль и унтер-офицерши Петровой.

ПЕТРОВИЧ, Григорий Фердинандович - капитан корпуса лесничих, чиновник Нижегородской строительной и дорожной комиссии.

В Нижнем Новгороде Петрович руководил благоустроительными работами. Непосредственно участвовал он и в сооружении железной дороги, в связи с чем в Дневнике назван "путейским капитаном".

"Петрович по происхождению серб, образованный, прямой и сердечный человек, хорошо разумеющий и глубоко сочувствующий всему современному..." - так написал о нем Т. Шевченко 27 февраля 1858 г. (V, 207).

ПЕТРОВСКИЙ, Иосиф - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Родился в Вильно в 1829 (или 1830) году, в дворянской семье. На военную службу его определили "за прикосновенность к тайному обществу, открытому в 1849 году в Вильне". Уволенный в отставку с чином унтер-офицера, отбыл на родину в августе 1857, без снятия секретного над ним надзора. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.19-20; В.А.Дьяков - "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.134).

И.Петровский являлся одним из сотоварищей Шевченко в Новопетровском укреплении.

ПИКУЛИН, Павел Лукич (1822-1885) - адъюнкт-профессор терапевтического отделения госпитальной клиники при Московском университете.

Воспитанник Московской медико-хирургической академии, он был известен как образцовый диагност, что снискало ему широкую врачебную популярность.

Со времен студенчества Пикулин поддерживал приятельские отношения с А.И.Герценом, Т.Н.Грановским и их окружением. В центре общественной жизни он находился долгие годы. В 1855 Пикулин ездил в Лондон с тайной целью доставить Герцену материалы для бесцензурной печати. В 1856-59 редактировал "Журнал садоводства", выступая в нем также в качестве одного из основных авторов. ("Шукинский сборник", вып. VII, М., 1907, стр.113-117; Н.А.Белоголовый. "Воспоминания", М., 1897).

Имя П.Л.Пикулина в литературно-эпистолярном наследии Т. Шевченко не упоминается. Нет сведений о знакомстве с ним поэта и в мемуарной литературе, биографических и других изданиях. Тем не менее оно заслуживает быть названным. Пикулин входил в круг лиц, с которыми Шевченко общался в Москве; он был близок к Щепкиным, Аксаковым, Кетчеру, Бабсту и другим московским его знакомым. Это, а также изучение обстоятельств жизни Пикулина того периода, позволяет с достаточной убежденностью сказать, что Т.Шевченко имел возможность познакомиться и с ним, причем - что особенно вероятно - на новоселье книжного магазина Н.М. Щепкина. Известно, что в дневниковой записи за 24 марта 1858 поименно названы не все участники той, весьма важной, дружеской встречи. (V, 217).

ПИЛИПЕНКО, Сергей Владимирович (1891-1941) - писатель, журналист, литературовед.

Являясь одним из руководителей Института Тараса Шевченко в Харькове, членом Всеукраинского Шевченковского комитета, Пилипенко многое сделал по выявлению и сбору художественных работ и других реликвий из творческого наследия гения Украины.

Именно ему принадлежала честь приобретения в Бугуруслане коллекции семьи Усковых, хранившейся у дочери коменданта Новопетровского укрепления Надежды Ираклиевны, по мужу - Смоляк. Коллекция содержала портреты Усковых, акварельные пейзажи, фотография работы главы семейства, наконец письмо Т. Шевченко, посланное из Нижнего Новгорода. Все это было доставлено на Украину. Одновременно Пилипенко привез семь шевченковских художественных работ, хранившихся в Русском музее, и три полученные от наследницы коллекционера И.А.Никольского. Они легли в основу будущего Шевченковского музея.

О своих поездках и находках С.Пилипенко рассказал в статье "Про Шевченкові малюнки" (журн."Плуг", кн.2, 1929).

ПИСАРИ - см. Епанешников Е.А.

Называя имена писарей канцелярии Новопетровского укрепления, мы устанавливаем авторство шуточного письма без подписей, датированное 23 июля 1857. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр. 101-102).

ПИСЕМСКИЙ, Алексей Феофилактович (1821-1881) - русский писатель.

Литературную деятельность Писемский начал в 40-х годах, когда им был написан роман "Боярщина". В 1853 г. он издал "Повести и рассказы" в трех томах. Трехтомник принес ему известность реалистическим изображением темных сторон русской жизни. Но лучшие произведения Писемского относятся к 60-м годам; это роман "Тысяча душ" и драма "Горькая судьбина", высоко оцененные Н.Г.Чернышевским, Д.И.Писаревым, М.Л.Михайловым и другими.

Знакомство Т. Шевченко с А.Писемским произошло в Новопетровском укреплении в период с 27 по 31 мая 1856 при содействии академика К.М.Бэра, в поездке которого на Мангышлак принял участие и писатель, выезжавший туда как этнограф.

"Шевченко выглядит хорошо. Я познакомил с ним Писемского", - записал Бэр в дневнике 29 мая. (Публикация П.Жура; "Звезда", 1966, № 8, стр.183). После этой встречи Писемский стал одним из активных участников хлопот об освобождении Шевченко от солдатск ой службы, а, одновременно, и помощником в публикации его литературных произведений. Об этом говорится в письмах Шевченко (VI, 140, 144, 156), а также в письме Писемского, посланном в Новопетровское укрепление из Астрахани, вскоре после его отъезда. "Душевно рад, что мое свидание с Вами доставило Вам хоть маленькое развлечение", - писал он. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.88-89).

О полуострове Мангышлак и Новопетровском укреплении писатель рассказал в одном из своих очерков. ("Полное собрание сочинений А.Ф.Писемского", т.VII, СПб, 1911, стр.543-545).

После возвращения в Петербург Шевченко не раз встречался с Писемским, участвовал вместе с ним в литературных вечерах, был дружен. Среди книг, оставшихся после смерти поэта, - и книга А.Ф.Писемского с сердечной дарственной надписью.

ПИУНОВА, Екатерина Борисовна (1843-1909) - артистка Нижегородского театра.

Пиунова была "дочерью сцены": впервые она "участвовала" в спектакле в возрасте двух лет, а в шесть-семь выступала почти ежедневно. "Я росла... чуть не на руках у всех знаменитостей сцены того времени..." - вспоминала она впоследствии. По реком ендации В.И.Живокини и И.В.Самарина ее приняли в Московскую театральную школу. Не закончив курса, после двух лет обучения,

она вернулась в Нижний Новгород; здесь юная актриса стала "водевилисткой" местной театральной труппы, снискав себе успех и популярность, которые затем не покидали ее на протяжении десятков лет. Пиунову по-праву называют среди известных актрис русск ой провинциальной сцены второй половины XIX века.

Т. Шевченко, оказавшись в Нижнем Новгороде, в конце 1857 г. познакомился с Пиуновой, сердечно привязался к ней и даже хотел видеть ее своей женой. Предложение было отвергнуто. Историю этого увлечения можно проследить по многочисленным записям в Дневнике.

Предметом внимания, заботы поэта являлась и творческая судьба артистки, о чем, кроме записей дневниковых и переписки (в частности, с М. С. Щепкиным), говорит написанная им статья "Бенефис

И. И. Журавлев
Портрет Е. Б. Пиуновой
1872

г-жи Пиуновой, января 21 1858 года", помещенная в "Нижегородских губернских ведомостях" 1 февраля 1858 года. (VI, 316-318).

Для более глубокого выяснения взаимоотношений Т. Шевченко с Е.Пиуновой интересны воспоминания актрисы. (Н.Ф.Юшков. "К истории русской сцены. Екатерина Борисовна Пиунова-Шмидгоф в своих и чужих воспоминаниях". Казань, 1889). Следует, правда, учитывать, что, наряду с достоверными сведениями о знакомстве с поэтом, они содержат некоторые ошибки, неточности.

Особенно важны эти воспоминания для характеристики самой Пиуновой - той, которую Шевченко полюбил и которая не смогла (да, пожалуй, и не могла) принести ему счастья.

ПИУНОВЫ - семья актрисы Е.Б.Пиуновой.

Старшей представительницей семьи являлась бабушка, Настасья Ивановна Пиунова, урожденная Полякова, в прошлом актриса крепостного театра князя Шаховского.

Ее сын, Борис (отчество установить не удалось), в молодости был танцором театра, а позднее выполнял в нем административные функции.

В отношении к дочери он проявлял строгость. "Лет 6-7-ми я уже отплясывала разные пляски и "разыгрывала" роли, - ...чуть что не так, отец наградит розгой", - вспоминала Ек.Пиунова.

Из семьи, близкой к театру, происходила и Феона Ивановна, мать актрисы.

Кроме Екатерины, у Пиуновых было несколько детей разного возраста Т. Шевченко был знаком со всеми членами этой семьи, бывал в гостях, однажды устроил катанье за город, любил играть с младшими - особенно с малышами. Однако по мере того, как его намерения жениться становились серьезнее, отношение к нему в семье менялось. Родители Пиуновой всячески старались помешать нежелательному им браку и своего добились. (V, 186, 187, 190, 192-193, 196-197, 202).

ПЛАЩЕВСКИЙ, Ипполит - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

Родом из неутвержденных дворян Радомской губернии, Плащевский (год рождения - 1816 или 1817) был отдан в 1846 г. в солдаты за то, что "хранил стихи, написанные в духе, неприязненным правительству, укрывался за границей и питал неблагонамеренный образ мыслей". Первые годы его службы прошли в 1-м батальоне; впоследствии служил в 4-м и 10-м, откуда, в чине унтер-офицера, был в 1857 уволен с установлением строгого надзора. (ГАОО, ф.6, оп.18, д.375, лл.27-28; В.А.Дьяков - "Деятели русского и польского освободительного движения", стр.136).

Плащевский являлся одним из сотоварищей Т. Шевченко в бытность их в Новопетровском укреплении.

ПЛАТОНОВ (имя-отчество неизвестны) - артист Нижегородского театра.

По амплу своему резонер, он был одним из популярных актеров провинциальной сцены. Объективную характеристику дал ему Е.Климовский: "Платонов мне друг, а судить своих друзей весьма нелегко... Г.Платонов человек, не обладающий большим талантом, но и не без дарования. Как провинциальный актер,... он сплошь и рядом исполняет все, а потому на его долю очень часто выпадают так называемые роли неблагодарные... Многие - не в его средствах (например, любовники, в которых он смешон, драматические, в которых он только пыхтит как паровоз, важных лиц, для которых у него не хватает приличия). А Осип в "Ревизоре", слуга-старик в водевиле "Собачкин" и т.д. - очень удачно".

Т. Шевченко ценил Платонова как артиста, поддерживал приятельские с ним отношения. (V, 148, 172).

ПЛЕМЯННИКОВ, Андрей Васильевич - майор в отставке, помещик Бузулукского уезда, Оренбургской губернии.

Еще в 1838 г. возник вопрос о взятии в опеку имения жестокого крепостника в селе Покровском (по другому - Племянниково). Наказания батогами и розгами за малейшую провинность, а чаще без всякой вины, приковывание крестьян за шею на несколько суток железной цепью к стене - эти и другие пытки применялись едва ли не каждый день. Это вызвало многочисленные жалобы, однако все они остались без последствий, лишь еще более обозлив мучителя. И только в ноябре 1849 губернатор Обручев, наконец-то, вынужден был обратиться в Правительствующий Сенат насчет "наложения опеки" на имения Андрея Васильевича, а также его двух братьев, живших неподалеку и не уступавших ему в кровопийстве. (ГАОО, ф.6, оп.5, д.10684; ф.6, оп.6, д.13055). В связи с ноябрьским решением Обручева А.В.Племянников и предпринял поездку в Оренбург, где передал губернатору прошение на десяти страницах о справедливом (конечно, в его пользу) решении по "несчастному делу о моих крестьянах" (на которых обрушил весь свой гнев). Приезд помог, и 31 марта 1850 начальник края уведомил, что не считал нужным к опеке прибегнуть. (ГАОО, ф.10, оп.10, д.9).

В январе 1850 г. Т. Шевченко написал в Оренбурге акварельный портрет А.В.Племянникова. (т.8, л.53). Это была работа на заказ, для заработка. Ныне она хранится в Государственном музее Тараса Шевченко в Киеве. Жестокость портретированного в портрете передана достаточно выразительно.

ПЛЕЩЕЕВ, Алексей Николаевич (1825-1893) - русский поэт, рядовой, а в конце службы офицер Отдельного Оренбургского корпуса.

Автор популярнейшего стихотворения "Вперед без страха и сомненья" - этой "Марсельезы сороковых годов", он закономерно, по своим демократическим настроениям и стремлению бороться за свободу, пришел в кружок петрашевцев, проявил себя здесь одним из деятельных участников, за что в 1849 был лишен всех "прав состояния" с отправкой на солдатскую службу в Оренбургскую губернию.

Службу свою Плещеев начал рядовым 1-го линейного батальона (в Оренбург был доставлен 6 января 1850). В марте 1852 состоялся его перевод из Уральска в Оренбург, где располагался 3-й линейный. "За отличие при Ак-Мечети", 27 декабря 1853, поэт получил производство в унтер-офицеры. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1044, л.3). Проведя зиму в Оренбурге, он затем около двух лет оставался в форте Перовском (бывш. Ак-Мечеть). 12 июня 1856 Плещеев стал прапорщиком. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1388, л.99). Вскоре он с военной службы был уволен, но желанной свободы не обрел. Циркуляр департамента полиции от 8 июля 1857 предписывал: "Уволенным от службы прапорщикам Плещееву, Европеусу, коллежскому регистратору Головинскому воспретить въезд в обе столицы и жительство в них. .. За прапорщиком Плещеевым... учредить секретный надзор..." (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13486).

Находясь на службе в Оренбургской Пограничной комиссии, поэт продолжал хлопотать о разрешении выезда в Петербург и Москву, однако добился лишь права на четырехмесячный отпуск с января 1858. Отпуск, путем разных ухищрений, продлевался, пока, наконец, в июле 1859 не последовало сообщение о разрешении Плещееву поселиться в Москве (но - "чтобы он вел себя... как можно осторожнее и не входил в сношения с лицами, не пользующимися доверием правительства и что в противном случае он подвергнет себя са мой строгой ответственности"). Из Оренбургской губернии Плещеев выехал с женой, Е.А.Рудневой, дочерью надзирателя соляного рудника в Илецкой Защите; их брак состоялся в 1857. (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13486).

"Вот шестой год, как я в этом крае, как я солдат, - писал А.Н.Плещеев в одном из писем 1855. - 24-х лет прибыл я - теперь мне 30-й. Лучшие годы жизни прошли - Бог знает как... без толку для себя и для других... Столько унижений, оскорблений всякого рода довелось мне изведать..." ("Минувшие годы", 1908, октябрь, стр.137). Важными документами оренбургской ссылки Плещеева являются его письма, особенно к В.Д.Дандевиллю. (Названный журнал, стр.103-141; "Литературный архив", т.VI, 1961). Представляет интерес переписка А.Н.Плещеева с оренбургским гражданским губернатором Е.И.Барановским. Его письма к Барановскому опубликованы в альманахе "Степные огни" № 2 (1939, Оренбург, стр.168-225; публикация Н.Е.Прянишникова).

О Плещееве Шевченко мог узнать от петрашевца А.В.Ханыкова в Орской крепости (1850), а еще ранее - в 1848-49 - от близкого в свое время к этому кружку А. И. Макшеева. Личное знакомство двух поэтов могло произойти в Уральске, осенью 1850, когда Шевченко, переведенный в Новопетровское укрепление, сделал кратковременную остановку в городе, где служил Плещеев. Не исключено, что это случилось раньше - по прибытии в Оренбург, 6 января, или в ближайшие после того дни. Предположительность сказанного вызывается отсутствием прямых на этот счет сведений. Нет точных данных и о том, когда между ними возникла переписка. Тем не менее и личное знакомство, и продолжительность переписки сомнений не вызывают.

Переписка возникла не позднее 1853 (хотя не исключена возможность существования ее еще в 1852-м). Об этом свидетельствует уже январское (1854 г.) письмо Шевченко к Б. Залескому. "Поздравь Фому <Вернера> от меня <с производством в прапор щики> и извинись за меня, что я ему не пишу с этой почтой; завтра ученье и караул, и Алексею скажи то же". (VI, 92; комментарии в тексте и разрядка наши - Л. Б.).

Позднее Шевченко Плещееву написал и тот ему ответил. Об этом свидетельствуют строки шевченковского письма к тому же Б. Залескому от 6 июня 1854: "У П<лещеева> действительно не оказалось германских книг, не оказалось даже денег, чтобы ку пить их: это естественно, человек перед походом". (VI, 101).

Отличившись при взятии Ак-Мечети, зиму 1853-1854 гг. Плещеев провел в Оренбурге, а весной 1854 отправился в форт Перовский, основанный на месте бывшей кокандской крепости. "Германские книги", о которых идет речь в письме, - это стихи Кернера, которые Шевченко хотел подарить А. Е. Усковой. Впоследствии стихи были получены от Б. Залеского, которому это дело препоручил, вероятно, Плещеев.

С отъездом Плещеева в степь переписка Шевченко с ним прервалась, примерно, на год. "Перед отъездом вашим в степь писали вы ко мне письмо, на которое я вам не отвечал, во-первых, по недостатку адреса, а во-вторых, потому, что совершенно не о чем было писать..." - читаем в единственном дошедшем до нас письме Шевченко к Плещееву от 6 апреля 1855. (VI, 111).

Прервав на время переписку, Шевченко о Плещееве не забывал. Он интересовался его творчеством; например, писал о плещеевских переводах стихов Э.Желиговского. (VI, 104). Вопросы о Плещееве есть и в письмах этого периода к Залескому. (VI, 110).

Первым нарушил молчание А.Плещеев; произошло это в самом начале 1855. Отвечая на полученное от него, Плещеева, письмо, в котором был, по всему судя, и вопрос, не обиделся ли его адресат на что-нибудь в давнишних плещеевских письмах, Шевченко писал: "Как вам пришло в голову такое предположение! можете ли вы что-нибудь написать, что бы мне было не по сердцу?" (VI, 112). Письмо исполнено дружеских чувств. Как другу, рассказывает ему Шевченко о несбывшейся своей надежде на производство в унтер -офицеры; как друга, просит об услуге, связанной с печатанием повести "Княгиня". (VI, 112). К сожалению, последующих писем из переписки Плещеева и Шевченко, как и ряда предыдущих, отыскать не удалось.

Плещеев стал одним из первых переводчиков произведений Шевченко на русский язык. Начав эту работу еще в Оренбуржье, он вел ее в течение нескольких лет. В плещеевской Шевченкиане - "Сон", "Наймичка", "Ще як були ми козаками" и другие поэтические шедевры поэта Украины.

В рецензии на "Кобзарь" 1860 г. Плещеев писал: "Что касается до нас лично, то поэзия Шевченко производила на нас всегда глубокое впечатление, мы всегда останавливались в изумлении перед этим богатством поэтических образов..." ("Московский вестник", 1860, 1 апреля).

Лучшим исследованием вопроса о творческих взаимосвязях Шевченко и Плещеева является статья Н.Н.Павлюка "Плещеев як перекладач Шевченка" ("Радянське літературознавство", 1967, № 9, стр.51-65). Она содержит в себе обширный биографический материал и дает анализ творческого наследия как Шевченко, так и того, кого он почитал "как... брата, как... искреннего друга" (VI, 112).

Надо отметить, что не только письма, а и художественные произведения Плещеева, представляют интерес как живые свидетельства современников об Оренбурге шевченковских времен и должны при изучении эпохи использоваться возможно шире. Особенно - повесть "Пашинцев". ("Русский вестник", 1859, декабрь).

ПЛОТНИКОВ, Павел Зиновьевич - капитанармус 5-го Оренбургского линейного батальона, унтер-офицер. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211, 229).

Плотников упоминается в рапорте коменданта Орской крепости Недоброво Окомандиру Отдельного Оренбургского корпуса о гражданской одежде, найденной у Шевченко во время обыска в апреле 1850 г. Комендант уведомляет, что "партикулярное платье... по прибытии... в Орск... отобрано и ныне (в июле 1850 - Л. Б.) хранится в батальонном цейхгаузе", но одно пальто - "драдедамовое горохового цвета" - подарено Шевченко "унтер-офицеру 4-й роты Плотникову". ("Тарас Шевченко. Документи та матеріали", стр.23 8).

ПОГОДИН, Михаил Петрович (1800-1875) - историк, публицист и писатель.

Занимая в течение десяти лет кафедру русской истории Московского университета (1835-1844), издавая на протяжении пятнадцати лет (1841-1856) журнал "Москвитянин", выступая в печати с трудами научными и публицистическими, Погодин зарекомендовал себя выразителем официального политического учения "православия, самодержавия и народности", поборником норманской теории происхождения Руси, активным деятелем панславизма.

Встреча Т. Шевченко с Погодиным произошла в Москве, 25 марта 1857 года. Судя по дневниковой записи (V, 218), знакомству личному предшествовало заочное. Убедившись в том, что Погодин "еще не так стар", Шевченко тем не менее охарактеризовал его как одного из "ветхих деньми". Как указывал В.И.Даль, это выражение означает: "Отживающий, дряхлый, пришедший в негодность от долгого употребления". ("Толковый словарь живого великорусского языка", т.1, М., 1955, стр.188). Рассматривая запись в целом (в

частности, кажущееся парадоксальным противопоставление "ветхий деньми" и "не так стар"), приходишь к выводу: в глазах поэта Погодин стар, ветх не физически, но идейно. Тут, думается, прямая оценка его взглядов, для Шевченко неприемлемых.

ПОГОЖЕВ, Василий Николаевич (1802-1859) - инженер-майор ведомства путей сообщения.

Родился 19 января 1802 г. в Москве. (Нижегородская встреча с Шевченко состоялась, следовательно, в канун дня его рождения, когда имениннику исполнялось пятьдесят пять). Отец Погожева - сын купца, именитого гражданина Великого Устюга - получил образование в Голландии, однако, блестяще начав карьеру и дослужившись до обер-секретаря Правительствующего сената, на 32-м

году жизни умер, оставив на попечении совсем молодой жены трех сыновей. Старшему, Василию, едва исполнилось пять. Воспитывался он с детства в школе при немецкой кирке, потом "в одном знатном доме, где все... говорили по французски", далее определили его в пансион Московского университета и там, одиннадцатилетним, стал Погожев свидетелем бурных событий Отечественной войны.

В 1821 Погожева произвели в офицеры. Служба угнетала юного прапорщика настолько, что он даже вознамерился... постричься в монахи. Но вскоре явилась перспектива учиться: как способного к инженерным наукам, его назначили адъютантом к профессору фортификации. Аттестат об окончании курса высшего военного образования стал не единственным признанием его успехов. О многом говорило то, что именно ему, пусть временно, поручили, в дополнение к другим предметам, преподавать в юнкерской школе... словесность и историю. В 1827-м он был переведен в чине поручика в строительный отряд путей сообщения, который вел работы между Новгородом и Валдаем. В 1840 г. его назначили на службу в Санкт-Петербург, где Погожев оставался и в пятидесятые.

Нижегородская встреча с ним Шевченко (V, 188) была не первой - их знакомство состоялось в начале 40-х гг. в Петербурге. После свидания в Нижнем Новгороде Погожев выполнил ряд поручений поэта в Москве. (V, 200, "Листи до Т. Г. Шевченка", 127-129).

ПОГОРЕЛОВ, Гаврила - матрос второй статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

На службе в 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) находился с 1841 года; на Арал, а до того - в Оренбург, был отправлен в конце января 1848-го вместе с группой матросов под непосредственным началом унтер-офицера Садчиков. Участвовал в обоих плаваньях (1848, 1849) на шхуне "Константин" вместе с Т. Шевченко. Совместно зимовали на Кос-Арале.

В архивном фонде флотского экипажа (РГВИА, ф.827, оп.1, д.68) фамилия матроса читается иначе: "Погорелой". В ней звучит его предыдущая жизненная судьба.

ПОЖЕРСКИЙ, Эдуард Феликсович - рядовой 5-го Оренбургского линейного батальона.

Происходя из дворян северо-западных губерний России, он "оказался в числе прочих 29 человек прикосновенным к открытому в 1849 году в г.Вильне злоумышленному обществу" и без предания суду был отдан на военную службу - рядовым в Отдельный Оренбургский корпус.

Прибыв в Орскую крепость 5 июня 1850 г., Пожерский вскоре стал участником кружка, который группировался вокруг А.В.Ханыкова и И.Л.Завадского.

После разоблачения "недозволенных связей", во время произведенного обыска, у Пожерского были обнаружены, кроме запрещенных книг, также "четыре листа, без заглавия, заключающие мысли о правах народа". Эти "мысли" достаточно ясно характеризуют и Пожерского, и характер разговоров в кружке. Вот что, в частности, волновало их, рядовых пятого линейного: "... ответственность министров, право выбирать верховную власть, свобода книгопечатания и право на труд, на безвозмездное воспитание и на наименьшее содержание тем, которые не имеют средств к существованию".

Т. Шевченко, находясь в Орской крепости, был знаком с лучшими представителями политических ссыльных - и, прежде всего, с членами этого кружка, разгромленного менее чем через три месяца после того, как поэта отправили в Новопетровское укрепление.

В 1851 Пожерского перевели в Сибирский линейный батальон № 2. Там, в Западной Сибири, в 1856 он получил производство в унтер-офицеры, а в 1857 - увольнение от службы с чином коллежского регистратора. Только в 1859 ему было разрешено вернуться на родину, где он вскоре включился в активную деятельность под знаменами З. Сераковского. (ГАРФ, ф.109-и, 1 эксп., д.82, лл.1-82).

ПОЛЕТАЕВ, Ион - матрос первой статьи, участник экспедиции по изучению и описанию Аральского моря.

В 45-м флотском экипаже (Астрахань, Каспий) служил с 1840. По первой статье был аттестован в 1847, незадолго до включения в состав отобранных для службы на Аральском море. Входил в команду унтер-офицера Клюкина (матросы из второй роты).

Шевченко и Полетаев вместе провели плавание 1848 г. После первой навигации матрос из состава экспедиции выбыл (причина не установлена).

ПОЛЬ, Р. - художник-любитель.

В 1852 г. Поль запечатлел в акварелях Орскую крепость, изобразив общий вид ее со стороны степи, а также одну из улиц. Эти акварели могут служить выразительными иллюстрациями к посвященным Орской крепости страницам повестей Т. Шевченко "Несчастный" и "Близнецы".

По утверждению Г.Н.Чаброва, кроме Р.Поля никто из русских художников изображений крепости того времени не оставил. (Рукопись диссертации "Изобразительные источники по истории Средней Азии и Казахстана XVIII - первой половины XIX в.", с тр.222-224). В изданиях о Т. Шевченко акварели Р.Поля до 70-х гг. XX в. не воспроизводились.

Биография художника неизвестна.

ПОНОМАРЕВ, Федор Павлович (1812-1884) - русский художник-модельер.

В 1837-1844 гг. учился в Академии художеств вместе с Т. Шевченко. "Я был с Шевченко самый близкий друг", - так начинались его краткие мемуарные заметки, впервые опубликованные в журнале "Русская старина" (1880, № 3). Новейшая публикация их - "Воспоминания о Тарасе Шевченко" (К., "Дніпро", 1988, стр.77-78).

Во время своей солдатчины Шевченко помнил о давнем приятеле, больше того - знал о характере его занятий. 6 июня 1854 он писал Б. Залескому: "... Ираклий просит тебя, чтобы заказал для него в Екатеринбурге яшмовую или топазовую печатку <...> ЕСТЬ у меня в Екатеринбурге на гранильном заводе товарищ мой некто Пономарев: обратися к нему, или как найдешь лучше". Шевченко выразил конкретные пожелания относительно "величины и формы" печатки, а также ее рисунка-"содержания". Судьба заказа неизвестна; в шевченковской переписке Пономарев более не упоминается.

Ф.Пономарев - Н.Рамазанову (Из письма 1857 г.)

.. Должен сознаться, что и в Академии-то я был не очень силен в искусстве, а на службе остальное забыл, теперь начинаю учиться снова в академии Уральских гор, в мраморных ямах, под присмотром старых кедров, в постоянном соседстве волков и медведей, с которыми нередко случается видеться; но ужасные невежды или прочь бегут, или лезут драться...

... Труд модельеров невообразимый; представляемое при сем распятие вырезано из твердейшей союзной яшмы, оправлено в серебро с топазовыми камнями, стоит 25 рублей и нет охотников, а сидим собственно за вырезкой около 3-х месяцев...

ПОПЕЛЬ, Александр (Иосиф?) Каетанович - прапорщик 5-го Оренбургского линейного батальона.

"По высочайшему повелению от 12 марта 1839 года за участие в тайных возмутительных обществах" Попель был разжалован в солдаты и отправлен в Орскую крепость. (ИЛ, ф.1, д.437).

Эти сведения, ранее не учтенные, полностью подтверждают версию В. Дьякова ("Тарас Шевченко и его польские друзья", стр.80) о том, что подпись, сделанная под известным рисунком А. Ф. Чернышева О позднее, искажила имя этого человека, или дал а лишь одно из двух или трех имен, которые тот, по традиции, мог иметь официально.

Приведенная исследователем биография Иосифа Попеля соответствует архивным данным об Александре и портрету, нарисованному Чернышевым.

Запечатленный художником выглядит старше многих других, носит офицерские погоны, держит в руке палку, свидетельствующую о болезни или ранении, наконец - находится в центре внимания значительной группы людей.

Все это, повторяю, соответствует сообщенным Дьяковым сведениям об Иосифе Попеле, бывшем репетиторе в дворянском училище, который был определен на военную службу ранее всех - еще в 1839 году (у него оказались "тетради и книги весьма вредного содержания, несколько мятежнических стихов польских и записки, обнаруживающие действительность того, что Попель внушал... детям самые преступные мысли противу правительства..."), через десять лет получил первый офицерский чин - прапорщика, а в июле 1850 вышел в отставку по болезни.

Т. Шевченко, скорее всего, познакомился с Попелем еще в период первого своего пребывания в Орской крепости.

Военный госпиталь, где проходили лечение офицеры, находился в Оренбурге. Принадлежность Попеля к 5-му линейному батальону (Орская крепость, Илецкая Защита) ни в какой степени не исключает возможности длительного пребывания его в Оренбурге и близких связей с другими людьми, запечатленными на рисунке.

Названный Попель служил до ареста в местечке Златополь Чигиринского уезда, Киевской губернии. Обращая внимание на этот факт, следует сказать, что на рисунке изображено, по меньшей мере, три земляка: Шевченко, Попель и Средницкий.

ПОПОВ, Иван - купец, торговец в Новопетровском укреплении.

"Из торговых промышленников, постоянно поселившихся при укреплении, находится (в 1855 - Л. Б.) только один из астраханских армян Иван Попов; временно торгующих в укреплении находится из астраханских же армян трое: Красильников (в другом источнике у казано имя: Аким), Айвазов (Авет), Бендерцов (Никита) и один из русских: третьей гильдии купец Иван Смирнов, он же Старцов, которые занимаются меновою торговлею с кочующими в окрестностях укрепления киргизами... Наиболее из них привозит товаров армян ин Попов - тысячи на три рублей серебром в год". (ГАОО, ф.6, оп.12, д.1179; оп.10, д.7264/л). Несмотря на такой размах торговли, Попов не умел даже расписаться. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.800). Два года спустя к постоянно живущим в укреплении торговцам прибавился Герасим Турпаев. (ГАОО, ф.6, оп.12, д.2068, л.6).

Имя Попова упоминается Т. Шевченко в Дневнике (запись от 14 июня 1857): "Вчерашний пароход разрешился порядочным мешком целковых и арапчиков. Это третнее жалованье гарнизона. Офицеры сегодня же его и получили, и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту)..." (V, 15).

О нем, вероятнее всего, идет речь и в первой записи Дневника - от 12 июня 1857: "Обрезывая сию первую тетрадь для... записок, я сломал перочинный нож... Случись этот казус в столице или даже в порядочном губернском городе, то, натурально, он не попал бы в мою памятную книгу. Но это случилось в киргизской степи, т.е. в Новопетровском укреплении, где подобная вещица

для грамотного человека, как, например, я, дорого стоит; а главное, что не всегда ее можно достать и даже за порядочные деньги. Если вам удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имеет сообщение с Астраханью, то вы все-так и не ближе как через месяц летом, а зимою через пять месяцев, получите прескверный перочинный ножик... Но Бог с ним - и с укреплением, и с ножом, и с маркитантом; скоро, даст Бог, вырвуся я из этой безграничной тюрьмы".(V, 11-12).

ПОПОВ, Михаил Иванович - губернский секретарь, чиновник Нижегородской казенной палаты. ("Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве. 1857", ч.2, стр.93).

Взгляды и настроения Попова характеризует его интерес к нелегальным изданиям А.И.Герцена, о чем свидетельствуют материалы III отделения. ("Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг.", М., 1962, стр.335-360).

Сотрудник К. А. Шрейдерса, Попов поддерживал со своим сослуживцем (старшим по должности) приятельские отношения, бывал у него. Там и встретил "милейшего М.И.Попова" Т. Шевченко 1 ноября 1857 г. (V, 158). Однако знакомство их состоялось еще до того. (V, 152). Связь между ними поддерживалась до самого отъезда поэта из Нижнего Новгорода. (V, 206).

ПОПОВА, Анна Николаевна - жена М.И.Попова.

Т. Шевченко бывал у Поповых дома. "Красивая и еще молодая женщина, но увя, маненько простовата", - так описывал он гостеприимную хозяйку. 13 октября 1857 г. Шевченко "рисовал карандашами портрет Анны Николаевны Поповой, слывающей здесь красавицей п ервой стати". Это был первый заказ, выполненный им в Нижнем Новгороде. 14 октября портрет был закончен. (V, 150-152).

Портрет относится к числу не найденных произведений художника Шевченко.

ПОПОВ, Михаил Максимович (1800-1871) - начальник секретной экспедиции III отделения, статский советник.

Наряду с Л.Дубельтом, непосредственно руководил следствием по делу участников Кирилло-Мефодиевского товарищества в Санкт-Петербурге. Его фамилия, но уже в качестве действительного статского, а затем тайного советника, значится и под докумен тами следственного дела последующих лет, вплоть до 1862-го.

Надо отметить, что Попов, закончивший в 1821 г. Казанский университет, в начале своей карьеры слыл также литератором.

Названное лицо Т. Шевченко вспомнил в записи Дневника за 15 сентября 1857, как одного из трех, вместе с Дубельтом Ои Нистремом, которые его пристрасно допрашивали ("тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой, и в заключение плюнул и назвал м еня извергом рода человеческого" - V, 128).

ПОРЦИЕНКО (Порцьянко), Юлиан Антонович - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона. В Новопетровское укрепление прибыл не позднее первой половины 1854 года.

(ГАОО, ф.173, оп.11, д.234-а).

"Странное и непонятное для меня явление этот отвратительный юноша. Где и когда успел он так глубоко заразиться всеми гнусными нравственными болезнями? Нет мерзости, низости, на которую бы он не был способен. Романы Сю с своими отвратительными героями - пошлые куклы перед этим двадцатилетним извергом. И это сын статского советника, следовательно, нельзя предполагать, чтобы не было средств дать ему не какое-нибудь, а порядочное воспитание. И что же? Никакого. Хорош должен быть и статский советник..." (V, 27-30).

Знакомство с Порциенко и ему подобными - сначала в Орской крепости, а затем в Новопетровском укреплении - дало Т. Шевченко обильный материал для повести "Несчастный". (III, 283-343). В дворянском, помещичьем сыне Ипполите - многое от его реального сверстника, дворянина по происхождению, сына крупного чиновника Минской губернии, вконец испорченного уродливым воспитанием Юлиана Порциенко (Порцьянко).

ПОСКОЧИН, Петр Васильевич - капитан первого ранга, с 1853 г. - генерал-майор, командир Астраханского порта.

Поступив в 1812 в Морской корпус, Поскочин в дальнейшем много лет плавал на Балтийском и Белом морях, где командовал фрегатом "Елена", кораблем "Гангут" и другими судами; до перевода на Каспийское море был помощником капитана над Кронштадтским портом. Службу на Каспии начал в 1852-м.

О нем пишет в своих воспоминаниях о посещении Новопетровского укрепления в 1852 Н. Ф. Савичев, Т. Шевченко познакомился с Поскочинным на именинах у коменданта А.П.Маевского, которые в тех же воспоминаниях описаны довольно подробно. ("Казачий вестник", 1884, № 54).

В 1853 г. П.В.Поскочин, уже генерал, был назначен "капитаном над Астраханским портом". ("Общий морской список", ч.VIII, стр.66-68).

ПОСКОЧИН, Николай Петрович (1826-1857) - лейтенант, командир почтового парохода, сын П.В.Поскочина.

Сын морского офицера, он, по существовавшей тогда традиции, оказался приписанным к флоту в девять лет (1835), а уже в шестнадцать ходил гардемарин по Финскому заливу, в восемнадцать - мичманом на Балтике, в двадцать - лейтенантом на пароходе в Кронштадте. Участвовал в походах и боях. В 1856-1857 командовал пароходом "Куба" на Каспийском море. ("Общий морской список", ч.XI, СПб, 1900, стр.259).

Упоминается в Дневнике Т. Шевченко (запись от 17 июля 1857). В Новопетровском укреплении ожидали "ежели не великого князя Константина Николаевича, то непременно адмирала Васильева, губернатора астраханского", но когда прибыл пароход, оказалось, что там "кроме его командира лейтенанта Поскочина, никого не имеется". Вечером Шевченко видел Поскочина и других моряков на "огороде" у коменданта, но "мне так опротивели эти пустые хвастунишки, астраханские моряки, что я, издали слышав их громкие гол оса, сделал полоборота направо и до пробития зори обошел вокруг укрепления". О командире парохода и его спутниках говорится также в записи от 18 июля. (V, 72-74).

Пароход, о котором идет речь, назывался "Куба" - в честь стародавнего прикаспийского города, основанного еще в XV веке. Некоторое время спустя о пароходе узнали повсюду. "Состоящий... для гидрографических работ на Каспийском море в 100 сил железный пароход "Куба" 14 сентября <1857 г.>, следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение у мыса Шоулан. Командир, половина офицеров и четвертая часть нижних чинов сделались жертвою этого несчастья..." (РГАВМФ, ф.256, оп.1, д.264). В деле на 44 листах, как и в другом, из того же петербургского архива (д.216), - вся

трагедия, случившаяся в штормовую ночь с 14 на 15 сентября у скалистого берега близ Баку, как и полное признание истинного героизма капитана и команды.

*Ужасно Каспий бушевал,
Приняв характер Океана,
В ту ночь, как страшно погибал
"Куба" на камнях Шоулана.
... Как палачи его стоят,
Чернея, скалы Шоулана,
И сердцу внятно говорят
О славной смерти Капитана.*

("Астраханские губернские ведомости", 1857, 6 декабря, № 49)

"Я проводил его глазами..."

Рассказ о поисках и находках

Даже в малолюдые дальнего-предальнего укрепления, где вот уже который год были перед ним одни и те же, привычные, примелькавшиеся лица, вопреки расхожей поговорке "на безрыбье и рак рыба", не хотелось ему у порою ни видеть, ни слышать никого, и "новых" в том числе.

Эти новые как пришли, так и уйдут, как приехали, так и уедут, ему же оставаться - и сколько еще оставаться?!

Каждый день начинался надеждой, а заканчивался разочарованием.

На этот раз глухое свое раздражение он излил на "флотских". Вспомним записи в его Дневнике - июльские, за семнадцатое и восемнадцатое. Подробные и... неопределенные.

Перед вечером 17 июля на горизонте показался пароход, который шел из Астрахани, и в укреплении засуетились, заспорили. Уж не следует ли с ним великий князь Константин? Или губернатор Васильев? Был бы повод гадать, а уж в предположениях недостатка не будет... Вот и теперь: гадали долго, пока с пристани не прискакал гонец-казак, сообщивший что самый высокий чин на пароходе - его капитан, по званию лейтенант, Поскочин. Усков послал за ним свой парадный вые зд - тарантас.

Шевченко к коменданту не пошел. Ни командира парохода, ни других моряков видеть ему не хотелось. Опять будут праздные разговоры, снова разбередит душу их свобода, а твоя неволя... Предпочел уйти в казарму, потом наведаться к Мостовскому. Погов орили, повспоминали общее, а моряки все еще продолжали любезничать с комендантшей, и он, издали заслышав их голоса, отправился бродить вокруг укрепления, пока не потянуло ко сну. "За что я в душе поблагодарил любезных астраханских мореходов.. ." ("Любезных" означало в шевченковские времена отнюдь не только степень расположения, сердечную привязанность, но и нечто иное: "любезник - ... угодник, миловзор, волокита". Не случайно: "мне так опротивели эти пустые хвастунишки...").

Поутру пароход вышел из гавани и "направился к Кизляру" (Тарас Григорьевич вроде ничего о нем не знал, а вот, на тебе, выяснил даже путь следования!). Впрочем, это могло произойти уже позднее, когда с деланным равнодушием слушал от Усковой и Бажановой изрядно путанную информацию о целях моряков (и их "штатских спутников"); один спрашивал о Шевченко ("но так двусмысленно, что милые собеседницы даже косвенно не умели удовлетворить его любопытства"). Уже днем, за обедом, относительно ясно сть внес Ираклий Александрович Усков: экипаж парохода вел, как оказалось, съемку и промер

Каспийского моря, а "главным двигателем всей этой суматохи" являлся "астроном", которого среди гостей коменданта не было, так как он предпочел использовать время для своих "вычислений".

На Шевченко выплеснулось множество новостей-слухов, снова взбудораживших его душу, но не ответивших на главный для него вопрос: "Кончится ли, наконец, это гнусное существование, это однообразное записывание однообразнейших бесконечных дней?"

Вопрос был главным итогом дней, отмеченных приходом парохода и разговорами вокруг такого события.

И уже является мне мысль: не испытал ли он, Шевченко, запоздалое сожаление в связи с тем, что от встречи с моряками уклонился - не повидался, не поговорил?

А может мне все это кажется потому, что знаю, какая участь пароход постигла менее двух месяцев спустя, в той же экспедиции, и какими оказались "пустые хвастунишки" в деле, в час смертный?

"Я проводил его глазами на горизонт..."

Проводил, будто попрощался навсегда.

Пароход назывался "Куба". В Петербурге, в Российском Государственном Архиве Военно-Морского Флота, случившемуся с ним посвящено дело 264 в фонде № 256: "О крушении парохода "Куба" у мыса Шоулан, следуемого из Астрахани в Баку чрез Апшеронский пролив для гидрографических работ, бывшего в распоряжении начальника экспедиции для съемки и промера каспийского моря капитана-лейтенанта Ивашинцева. Начато 19 сентября, кончено 4 декабря 1857 года. На 44 листах".

"Главный двигатель" - Ивашинец Николай Алексеевич, капитан-лейтенант флота и... причастный к кружку петрашевцев. В Оренбургской губернии он был известен: после двадцати лет службы на Балтийском море бывалого моряка в 1853-м командировали в распоряжение здешнего генерал-губернатора и довелось ему участвовать в хивинском походе, в боях за Ак-Мечеть. С ним дружили А. И. Бутаков и А. И. Макшеев - аральские начальники Шевченко; по просьбе Бутакова именно он, Ивашинец, огласил его доклад о результатах описи Арала на собрании членов Русского Географического общества. Может, и шевченковские рисунки тогда показывал. А что ж, вполне возможно... Когда ак-мечетский поход окончился, взялся Ивашинец за новое дело, суть которого изложил достаточно ясно: "Употребляемые в настоящее время карты Каспийского моря, составленные около 40 лет тому назад штурманом Колодиным, устарели, и при настоящем преобразовании Каспийской флотилии новая точнейшая карта становится совершенно необходимою для общего успеха и развития Каспийского судоходства - как военного, так и коммерческого". Карта... а значит и экспедиция, рассчитанная на несколько лет... Гидрографический департамент обращаясь к "высочайшему покровителю" - великому князю Константину, Константин ходатайствовал перед "августейшим братом", но решилось все лишь в 1856-м, когда Ивашинец с помощниками и прибыли из Санкт-Петербурга в Астрахань, а затем, без промедления, стали разворачивать "первоначальные гидрографические работы" на выделенном им пароходе "Волга".

(В Дневнике на сей счет "пущена шпилька": дескать, "в прошлом году каким-то не совсем дошлым звездочетом" астрономические измерения были проведены так, что потребовалась их "проверка". Но Шевченко записал это как версию, почерпнутую в разговоре с Усковыми. На самом деле измерения и описания продолжали те же люди, что и в 1856-м, разве что умер от холеры лейтенант Остолопов).

Экспедиция рассчитанная на семь лет, выполняла программу своего второго года и в деле 216 штаба главного командира Астраханского порта (тот же фонд № 256) подшит фирменный бланк с рапортом Ивашинцева, датированным 6 июля 1857 года: "Окончив ус пешно определение разности долготы между Баку и Бирючьей косою, сего числа отправился на пароходе "Куба" к восточному берегу для определения астрономических пунктов между Тюк-Караганом и Красноводским заливом, о чем Вашему превосходительству имею ч есть донести".

Следующий рапорт он, Ивашинцев, отправил 25 июля уже с Бакинского рейда. В нем присутствует и остановка, наделавшая шума в Новопетровском укреплении, запечатленная, во всей своей противоречивости, в шевченковском Дневнике. Как, следовательно, это т рапорт не привести?

"16 июля отправился я на пароходе "Куба" к восточному берегу и на следующий день (действительно 17-го!) прибыл в Тюк-Караганский залив; определив его (с вечера до утра!), я продолжал плавание к югу, вдоль берега, и останавливался: у Мелового угла в Александр-бее и Кендерлинском заливе. В каждом из этих пунктов определены широта, время и азимут и везде, кроме Мелового угла, магнитное склонение и наклонение.

22 июля пришел я в Баку и, сделав на следующий день наблюдения, связал таким образом определенные пункты с Баку и Бирючьей косою. 24-го пароход перевез промерное отделение подпоручика Филиппова в Апшеронский пролив... Завтрашнего числа (т.е. 26 июля...) отправляюсь ко входу в Карабугазский залив, откуда пойду вдоль берега до Астрабадского залива и возвращусь в Баку для связи и этой части берега..."

(Промеры предстояли по всему морю, до южных его оконечностей, которые контролировала Персия, отсюда исходили и многозначительные выводы новопетровских дам о том, что моряки вовсе не моряки, а "политические шпионы"; впрочем, Шевченко сразу же выяснил, что были то не более, чем слухи).

О дальнейшем в деле нет ничего. И о крушении тоже. Заканчивалось оно планами на следующий, 1858 год. Гидрографический департамент задачи все усложнял: "О порядке работ вам известно, что во-первых они должны состоять в астрономической связи избранны х точек... При этом желательно однако, чтобы вы обратили внимание ваших помощников и на прочие предметы и обстоятельства полезных сведений для подробного описания края: в отношении гидрографий, военных удобств, геологии, метеорологии, климате, магнетизме, высоте и изменении уровня моря, статистике, этнографии и прочих естественных наук.

Ждало Ивашинцева, его товарищей, экипаж "Кубы" такое, что предвидеть было невозможно.

"Состоящий... для гидрографических работ на Каспийском море в 100 сил железный пароход "Куба" 14 сентября, следуя в Апшеронский пролив, потерпел крушение у мыса Шоулан. Командир, половина офицеров и четвертая часть нижних чинов сделались жертвою этого несчастья..."

В бурную, ненастную ночь с четырнадцатого на пятнадцатое сентября пароход напоролся на огромный подводный камень и левым бортом - на утесистый, скалистый берег. Положение было безнадежным. Многие погибли сразу. Пароход неумолимо шел ко дну, но П оскочин выполнял свой долг до конца - спасал тех, кого еще можно было спасти. Он погиб "мученическою, но геройскою смертью".

"Капитан-лейтенант Ивашинцев при донесении об этом несчастном событии свидетельствует об отличных действиях мичмана 46-го флотского экипажа Ясенского, прапорщика корпуса штурманов Зенилова и лекаря 44-го флотского экипажа Зимодро,

которые, несмотря на полученные ими ушибы, не переставали в продолжение целой ночи подавать собою нижним чинам пример самоотвержения и энергии при спасении погибающих сослуживцев..."

Горестен он, список тех, кто погиб в ту страшную ночь. Выписываю всех, поименно:

командир парохода лейтенант Николай Поскочин,
лейтенанты Николай Симонов, Василий Кошкуль,
корпуса штурманов подпоручик Василий Иванов,
46-го флотского экипажа - квартирмейстер Алексей Токарев,
писарь Ион Пудовкин,
матросы Андрей Токарев, Хрисанф Пономарев, Федор Толстов, Ефим Богдановский, Афанасий Никонов, Андрей Тулаев, Григорий Гетманенко,

44-го флотского экипажа -матросы Сидор Козлов, Прокофий Юдаев, Фрол Левин, Иван Хованов,
Каспийской роты - унтер-офицер Петр Ирдебенев,
10-го рабочего полукэкипажа - Василий Степанов, Андрей Шерстобитов, Юзеф Бурачек,
крепостной человек - Всеволод Трофимов.

Тела одних нашли и предали земле, других унесло безвестно, но со временем на мысе появился обелиск, на котором было начертано: "В память бедственного события, постигшего пароход "Куба" в ночь с 14-го на 15-е число сентября 1857 года и геройской к ончины гг. офицеров и нижних чинов".

Памятник соорудили на деньги, собранные по подписке.

Тараса Григорьевича, когда явился он к Бажановой "на чашку кофе", занимали, разумеется, и "вчерашние гости". Не вчерашние даже - пароход снялся с рейда только-только. Кто вчера любезничал с комендантшей, от чье го общества он отказался?

А и впрямь: кого это поэт в дневниковых своих записях окрестил "таинственными посетителями"?

Прежде всего, Поскочина Николая Петровича. Шел ему тогда всего-навсего тридцать первый. Был он сыном офицера (в это время - уже генерал-майора и начальника Астраханского порта). Приписанный к морскому корпусу в неполные свои девять лет, гардемарину м ходил по Финскому заливу, мичманом - по Балтийскому морю, лейтенантом - из Кронштадта в прусские и датские порты. В 1854-м Поскочин-младший отличился при защите Кронштадта от нападения англо-французского флота. И вот теперь - новый пароход, другое море, необычные задачи...

Штурманская работа в экспедиции лежала на подпоручике Иванове и прапорщике Зенилове. Но сорокатрехлетнего Иванова к молодым людям не причислишь. С Поскочиным был Исхак Юсупович Зенилов, в котором рассказчицы и разглядели "весьма образованного молод ого человека" (а Ивашинецов, в час испытаний, - личность поистине героическую).

Еще трое? те, что в штатском? "Два ученые, а третий доктор..." Доктор в экспедиции был один - Адам Николаевич Зимодро, римско-католического вероисповедания, из дворян. Лекарский диплом он получил в университете Св.Владимира в Киеве, тогда же, в 1854-м, выехал на театр военных действий, отличился в защите Севастополя и... в спасении людей во время крушения "Кубы". Что касается "ученых", то, кроме Ивашинцева, ими на пароходе являлись лейтенанты Кошкуль и Симонов - официальные его помощники по астрономической части. Оба они прошли курс обучения в Главной Николаевской обсерватории и под

руководством крупных специалистов России и Европы приобрели основательные знания по части наблюдений и вычислений. Тот и другой имели собственные печатные труды (например, Василий Карлович Кошкуль незадолго до посещения Мангышлака опубликовал свои "Воспоминания о Пулкове" в "Морском сборнике", который в Новопетровском укреплении получали и читали). Все трое были офицерами, но... неофициальный визит к ношеной форме не обязывает.

От новопетровских дам получил Шевченко по поводу гостей "ответ довольно косвенный и перепутанный"; он "выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне". Прямое отражение этой путаницы - в записях тех дней. Так и чувствуешь: информация для него важна, но не менее интересен дух, характер самого рассказа, малейший, мельчайший его штрих. Сколько их на читаемых сейчас страницах!..

Как читаешь, так и вычитываешь.

ПОСПЕЛОВ, Ксенофонт Егорович - прапорщик Корпуса флотских штурманов, участник экспедиции А. И. Бутакова, ближайший его помощник в организации и проведении плаваний 1848-1849 гг.

Родился в 1820 г. в семье штурмана девятого класса. Уже в 1831 был приписан к первому штурманскому полуэкипажу. Совсем юным, еще подростком, начал ходить по морям. На фрегатах "Нева", "Император Александр I", "Елизавета", на шхуне "Дождь", тендере "Лебедь" и лоцсудне "Тритон" не раз бороздил Балтийское море. В 1839 Поспелова произвели в кондукторы Корпуса флотских штурманов, и он продолжал морскую службу уже в новом качестве. На разных кораблях ему довелось участвовать в съемках берегов, в десантных операциях, в опасных походах. В 1845 был произведен в прапорщики. Моряком Балтийского флота оставался до начала 1848.

"18 февраля 1848 г., будучи откомандирован по высочайшему повелению к описи Аральского моря, отправился из Санкт-Петербурга в Оренбург, где находился при постройке шхуны "Константин" до 29 апреля, после чего отправлен с разобранным шхуну в крепость Орскую, откуда выступил 11 мая с транспортом в Раим. Прибыл туда 14 июня, находился на Сырдарьинской пристани при составлении вновь и приготовлении к походу означенной шхуны до 25 июля. По окончании кампании 6 октября зимовал в Кос-Аральском форте при устье реки Сырдарьи до 6 мая 1849 года. По окончании кампании 1849 года возвратился 31 октября в Оренбург". (Из формулярного списка; РГАВМФ, ф.406, оп.3, д.353, лл.958-961).

В 1849 Поспелов являлся командиром шхуны "Николай". В "Дневных записках..." Бутаков особо отмечает эту шхуну, "отлично исполнившую все возложенные на нее поручения". (стр.53). "Дурные качества шхуны, вовсе не могущей лавировать, хотя паруса и приспособлены для этого, значительно задерживали его <Поспелова - Л.Б.> и в опасных случаях усугубляли опасность". (стр.40). "18 мая он бедствовал так же, как я; у него так же рвались канаты, и он, как и я, был на краю гибели" (стр.40).

О том, в каких условиях приходилось работать экипажам, можно судить по такому эпизоду, рассказанному Бутаковым: "... чтоб не возбудить подозрений хивинцев, я отправил ночью гг. прапорщиков Поспелова и Акишева на шлюпке, чтобы промерить далее к югу, дав им глухой фонарь, компас, достаточное количество огнестрельного и белого оружия, и приказав обвертеть вальки весел, чтоб не было слышно гребли. Сам же я остался на судне, приведя его в совершенную готовность отразить всякое нападение..." (стр.24).

Для характеристики Поспелова интересны также заметки Макшеева: "В последнюю свою поездку из устья Сыра в Малое море Поспелов не погиб с командою единственно благодаря своему присутствию духа. Море бушевало страшно, волны бросали шхуну с боку на бок, перекачивались через нее и каждую секунду угрожали потоплением. Матросы, надев белые рубахи, приготовились к смерти и отказались от работы. Тогда Поспелов сам стал рубить мачту. Энергия начальника

подействовала на подчиненных и они последовали его примеру. Мачты были свалены в море. Затем, по приказанию Пospelова, все убралось в каюты и заколотили люки. Двое суток просидела команда внизу, а на третьи, когда море стало затихать, вышла на палубу, приладила как-то паруса на уцелевших реях и благополучно добралась до устья Сыра". "Поспелов, - продолжал Макшеев, - был человек, сведущий по своей части, предприимчивый, энергичный и вместе с тем чрезвычайно скромный, добрый и мягкий. По окончании описи он несколько лет оставался на Сырдарье, но мало-помалу стал впадать в меланхолию, постепенно угасал и, наконец, скончался, оставив по себе самые теплые воспоминания во всех, кто его знал близко". (А. И. Макшеев. "Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю", стр.80-81).

Т. Шевченко мог познакомиться с Пospelовым еще в Орской крепости в период сборов "тележного транспорта" к отправке; при этом транспорте следовала и флотская команда со шхуной "Константин", построенной в Оренбурге. Не вызывает сомнения общение с экипажем, к которому был прикомандирован сам, в продолжение пути. На шхуне "Константин" Шевченко жил в одной каюте с Бутаковым, Макшеевым, Пospelовым и еще тремя участниками экспедиции. (Там же, стр.25, 29, 56-57).

Но главные свидетельства дружбы Шевченко с Пospelовым относятся к осени 1849 - весне 1850 гг. Вот что писал Ф. Лазаревский: "Вернувшись однажды из командировки глубокой осенью, я застал в своей квартире Шевченко и моряка Пospelова... Тарас, Пospelов, Левицкий и я зажили, что называется, душа в душу: ни у одного из нас не было своего, все было общее... Вечера наши проходили незаметно. Пили чай, ужинали, пели песни..."

Эта дружба, после ареста Шевченко весной 1850, была поставлена Пospelову в вину; его призвали к ответу, как одного из виновников послаблений, сделанных в отношении наказанного поэта. Тем не менее связывавшие их нити сердечной приязни не оборвались. Шевченко спрашивает о нем у Ф. Лазаревского в 1852-м, просит Б. Залеского - "Поцелуй Пospelова, ежели он в Оренбурге" - в 1853-м. (VI, 77, 92). Встретиться им более не привелось.

Бутаков о Пospelове

"Осчастливленный всемилостивейшею наградою, беру смелость почтительнейше представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства, что один я никак не мог достигнуть результатов, удостоившихся высочайше го одобрения, если б у меня не было усердных и деятельных помощников. Прапорщик Корпуса флотских штурманов Пospelов был весьма полезен во время постройки судна и наблюдал за кузнечными работами; он же был при заготовке морской провизии. Астрономические наблюдения мы делали вместе. Во время плавания он вел шканечный журнал и счисление пути шхуны и весьма облегчал мне управление судном, так что, оставляя его наверху, я мог быть совершенно спокоен и мог вполне положиться на его знание и бдительность. Вообще, он показал себя во всех отношениях офицером, знающим свое дело, отважным и отлично усердным..."

(ГАО, ф.10/2, д.2, л.22).

ПОТАПОВ, Меркул Матвеевич - штабс-капитан, командир 4-й роты 1-го Оренбургского линейного батальона и, одновременно, заведующий двумя ротами этого батальона, расположенными в Новопетровском укреплении.

Потапов был первым ротным командиром Т. Шевченко на Мангышлаке; ему поручили "строгий надзор" над вновь прибывшим "рядовым из политических преступников".

"Это был настоящий фронтовик, прекрасно усвоивший систему дисциплинарных взысканий графа Аракчеева. Фухтеля у него были самым обычным приемом для водворения в подчиненных дисциплины и чинопочитания... К счастью, он скоро был лишен командования ротой "за жестокое

обращение с солдатами". Каково же было это "обращение", если даже в то суровое и строгое время его находили "жестоким"? (По воспоминаниям вдовы поручика Воронцова).

"Необразованный, несердечный да притом - что таить правду! - часто и неуместно грубый и строгий был это человек. Не любили его даже офицеры, а уж про роту и про Шевченко и говорить нечего: они просто его ненавидели!" (По воспоминаниям Е.М.Косарева).

По первому из цитированных воспоминаний следует сделать существенную поправку: Потапов был освобожден от командования ротой не "скоро", а лишь в 1852 году, и не "лишен" командования, а переведен в другое место - в Уфу, где, оставаясь в том же звании, стал командиром "арестантской роты гражданского ведомства". ("Адрес-календарь Оренбургского края на 1854 год", стр.300).

ПОЧЕМЕВ - см. Почешев Г.П.

В биографиях Т. Шевченко поручик Почемев упоминается как "начальник этапной команды", в составе которой отданный в солдаты поэт проделал, якобы, путь от Оренбурга до Орской крепости в июне 1847 г.

ПОЧЕШЕВ, Герман Павлович - поручик 5-го Оренбургского линейного батальона.

Родился в 1810 г., отец и мать были из солдатских семей. Павел Федотович вступил на военную стезю еще в 1789 и дослужился до чина штабс-капитана; по его стопам шел и сын. (РГВИА, ф.395, оп.126, д.116). Немолодой поручик выполнял, в основном, приказы, связанные с длительными поездками и походами (например, к Аральскому морю). В 1847 г. пережил большое личное горе: от чахотки умерла его пятнадцатилетняя дочь. (ГАОО, ф.173, оп.11, д.169, л.57). Это произошло незадолго до знакомства с Шевченко, связанного с доставкой его в Орскую крепость (июнь 1847).

В следующем, 1848-м, Ф. Лазаревский писал на Аральское море: "Кажется Бог вас снова сведет с Погешовым; и он поплелся на Раим. Поклонитесь ему". ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.75). Выделенное нами "снова" как нельзя лучше свидетельствует о знакомстве, состоявшемся ранее. В связи с этим возникают предположения, когда такое знакомство могло случиться. Автор убежден, что "Погешов" это именно Г.Почешев, фамилию которого в документах и биографиях ошибочно называли также "Почемев", - тот самый, которому в 1847 и поручили доставить Шевченко к месту службы.

Как явствует из цитированного письма Лазаревского, в лице этого поручика Шевченко и его оренбургские друзья видели сочувственно-настроенного человека. Не случайно, стало быть, именно к нему обратился поэт с претензией на то, что "по отбытии его из г.Киева остались там собственные его вещи у господина Киевского гражданского губернатора" и просьбой о "высылке тех вещей" (прежде всего, рисовальных принадлежностей).

Рапорт командиру 5-го линейного батальона с изложением претензии-ходатайства Шевченко (ИЛ, ф.1, ед.хр.490) заслуживает внимания и для выяснения вопроса о продолжительности первого пребывания поэта в Оренбурге.

Дело в том, что под рапортом стоит дата: "20 июня 1847 года" и тут же помета: "Оренбург". Между тем, в биографической литературе указывалось, что отправка к месту службы состоялась не позднее 14 июня. (М.М.Ткаченко. "Літопис життя і творчості Т.Г.Шевченка", стр.112). Не слишком ли долгий срок - семь или даже восемь дней - для преодоления на перекладных тех 285 километров, которые разделяют Оренбург и Орскую крепость?

Рапорт мог быть написан либо в Оренбурге, либо в Орской, но никак не в дороге: отправка его с маршрута осуществлена быть не могла. Будь рапорт написан уже в крепости, под ним значилось бы другое географическое название, не говоря уже о другой, более поздней дате. Так что остается сам

Оренбург. Поручик писал, скорее всего, непосредственно перед отъездом. В таком случае, 20 июня - это день выезда Шевченко из Оренбурга, где он находился не три-пять, а десять дней. Выезд 20-го утром не исключает прибытия в Орскую 23-го, или даже 22-го, в конце дня. Вспомним, что из Петербурга в Оренбург его привезли на восьмые сутки, тут же расстояние было несравненно короче.

В летописи жизни Т. Г. Шевченко должна быть внесена существенная поправка.

Некоторые впечатления о переезде из Оренбурга в Орскую крепость описаны в повести "Близнецы". (VI, 99-102). Правда, здесь "путешествует" свободный человек, а не подневольный солдат, но встреча с земляками в Островной не выдумана, и одно это наводит на мысль, что Почешев понимал горе подопечного "нижнего чина" и старался его облегчить.

Состоялась ли вторая их встреча, сказать нельзя: таких данных в нашем распоряжении нет.

Почешев умер не позднее 1851 года. (ГАОО, ф.172, оп.11, д.219).

ПРИБЫТКОВ, Иван Степанович - писарь Орского комендантского управления. (ГАОО, ф.172, оп.3, д.211).

Находясь на службе в Орской крепости, Прибытков поддерживал связи с "политическими" - рядовыми 5-го линейного батальона и, вероятно, пользовался у них определенным доверием. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в самом начале возникшего в декабре 1850 г. следствия по делу о дружеских связях между молодыми офицерами батальона и рядовыми из "политических преступников" один из них, В.Докальский, двумя записками просил писаря скрыть некоторые бумаги, письма и книги, имевшиеся у Ханыкова, Завадского и Пожерского. Указанные записки, переданные Прибытковым военным властям, стали одним из доказательств обвинения. (ГАРФ, 1 эксп., д.82, л.1-об.).

Писарь Прибытков может быть причислен к орским знакомым Т. Шевченко, который поддерживал связь со всеми участниками "орского кружка".

ПРИБЫТКОВ, Павел Иванович - начальник штаба Отдельного Оренбургского корпуса в 1847-1848, генерал-майор.

("Памятная книжка на 1847 год", стр.167-168; "Памятная книжка на 1848 год", стр.170).

Подпись Прибыткова значится под некоторыми документами, касающимися судьбы Шевченко - в частности, под предписанием корпусного штаба о зачислении его в 5-й линейный батальон, "учредив за ним строжайший надзор с запрещением ему писать и рисовать".</P>

Называется это имя и в воспоминаниях. У К.И.Герна читаем:

"Первый сообщил мне об этом (об отправке поэта в Орскую крепость? - Л. Б.) полусумасшедший, наш начальник штаба Прибытков... "Вообразите себе, Карл Иванович, какого господина к нам... прислали: ему запрещено и петь, и говорить, и еще что-то такое! Ну как же ему при этих условиях можно жить?" ("Русский архив", 1898, декабрь, стр.550).

"Полусумасшедшим", "полупомешанным" аттестуют Прибыткова и другие современники. Уже в "Памятной книжке на 1849 г." этого имени мы не встречаем: исправляющим должность начальника штаба корпуса значится М.Л.Фантон де Веррайон.

ПРИЯТЕЛЬНИЦА - см. Бажанова Е.А.

Авторское толкование упоминания "приятельницы" (или "скромной приятельницы") в дневниковой записи Т. Шевченко от 15 июня 1857 г. (V, 17) дано в статье "Жуйкова".

ПСЕЛ, Александра Ивановна (1817-1887) - украинская поэтесса.

Т. Шевченко познакомился с нею и ее сестрами в Яготине, где они жили вместе с Репниными (1843-1844 гг.). Поэт ценил ее дар стихотворца, особенно отмечая ранний опыт Александры под названием "Свячена вода". По его просьбе стихотворение было переслано ему в Орскую крепость.

Как личную трагедию, А.Псел переживала суровое наказание Шевченко. Расправа над Кирилло-Мефодиевским товариществом побудила ее создать уже в 1847 триптих, посвященный любимому ею автору "Кобзаря".

*Молим тебе, Боже правди, Боже благостині,
Не покидай сиротою у степу-пустині
Брата нашого! Як батько, як рідная мати,
Озовись до його душі, не дай унівати!..*

Стихи дошли до Т. Шевченко вместе с письмом В. Репниной. Они согрели его душу, подняли настроение.

ПУТОЛОВ, Иван Федорович - оренбургский купец первой гильдии.

Путолов вел постоянную торговлю в Орской крепости. В 1848 г. торговал в этой крепости и другой купец из Оренбурга - Дмитрий Ковалев (купец второй гильдии). Остальные купцы были, в основном, из Казани: Ш.Сейфульмулюков, Ф.Ярулин, Ш.Ахмаметев и др. (ГАОО, ф.6, оп.11, д.1813; оп.6, д.12564).

Справка дается в связи с письмом Т. Шевченко к Ф. Лазаревскому от 22 апреля 1848, в котором указывается на услугу купца (Путолова или Ковалева? - Л. Б.), взявшего на себя передачу заимствованной поэтом для чтения книги - учебника по русской истории . "... Купец, что привез вам ту живучую "Историю" Устрялова, что и в солдатских руках не погибла, божился мне, что в собственные ваши руки отдал..." (VI, 53).

Клясться для купца было, как видно, делом привычным: только через продолжительное время передал он книгу по назначению с каким-то солдатом. ("Листи до Т. Г. Шевченка", стр.74-75). Тем не менее и этот, еще один, путь общения Шевченко с оренбургскими друзьями иметь в виду следует.

Путолов вел торговлю также в Раимском укреплении, во время пребывания там экспедиции А. И. Бутакова. (ГАОО, ф.6, оп.10, д.6134).

ПУЩИНА, Анна Ивановна (1842-1863) - дочь декабриста И. И. Пущина.

Анна родилась в Ялutorовске; ее матерью была местная жительница, с которой Пущин прожил несколько лет (от этой связи у них был еще один ребенок - сын Иван, родившийся в 1849 г.). Детство Анны прошло в Сибири. На четырнадцатом году жизни ее в зяла на воспитание начальница Нижегородского Мариинского института М. А. Дорохова, отдавшая Нине (как называла девушку она) всю свою нерастраченную материнскую любовь. В конце 1860 Пущина вышла замуж за А.А.Палибина. Но брак был кратковременным - в начале 1863 дочь декабриста умерла.

О любовном, отеческом отношении Т. Шевченко к дочери И.Пущина, о его живейшем участии в судьбе девушки рассказано в повести "Дорохова и другие". (Л.Н.Большаков. "Іхав пост із заслання...", К., "Дніпро", 1977).

ПШЕВЛОЦКИЙ (Пржевлоткий), Северин - рядовой 1-го Оренбургского линейного батальона.

В солдаты Пшевлоцкий был отдан в июня 1849 г. Являясь чиновником (апликантом) Варшавского мирового суда, он, вместе с В.Станишевским и А.Яблонским, также определенными в Отдельный Оренбургский корпус, был признан одним из главных организаторов н елегального общества молодежи. Пшевлоцкого и его друзей обвинили "в тайных неблагонамеренных связях, в чтении зловредных сочинений, а в том числе и самого злейшего, в коммунистическом духе, под заглавием "Слово Божие к польскому народу", в декламации по квартирам патриотических стихов и ведении вредных разговоров о правительстве". (ГАОО, ф.6, оп.6, д.13043).

Доставленный к месту своей солдатчины, в Уральск, не ранее конца октября - начала ноября 1850, Пшевлоцкий мог познакомиться с Т. Шевченко только в Новопетровском укреплении; дислоцированная здесь часть 1-го линейного батальона, как известно, систематически обновлялась за счет солдат, находившихся в Уральске.

С Пшевлоцким прямо или косвенно связан ряд записей в шевченковском Дневнике. Это он, будучи уволенным в конце 1856 со службы и собираясь на родину, передал для Шевченко из Уральска "Эстетику или Науку о прекрасном" Кароля Либельта - трехтомный труд польского искусствоведа и философа, над которым поэт много размышлял в последние мангышлакские недели и о котором беседовал-спорил с друзьями. (V, 50-51, 57-59, 60, 64, 82-83).

Сотоварищи Пшевлоцкого по тайному обществу - Валериан Станишевский и Адольф Яблонский (Ю.Ясенчик) - могли быть известны Шевченко лишь по рассказам Пшевлоцкого. Личное знакомство исключается, так как оба они, определенные в 5-й линейный батальон, как явствует из того же архивного дела, прибыли в Орскую крепость лишь 1 ноября 1850 г.